

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Она до сих пор приметлива и глазаста.
Никто и не скажет, что ей пару лет как за сто,
когда она варит борщ и торчит на грядке.
И ей до сих пор хотелось бы жить подольше:
в порядке ее избенка в районе Орши,
и сердце в порядке.

Девятое мая — в нем красных знамен оттенки,
и, рдея звездой, висит календарь на стенке,
и буквы на нем победно горят: «Са святам!»
А в старом шкафу в прихожей лежит альбом:
в альбоме отец, который канул в тридцать восьмом,
и муж, который сгинул в тридцать девятом.

Над дряхлую сковородкой колдуют руки,
вот-вот же приедут сын, невестка и внуки,
по давней традиции в точности к двум, к обеду.
Хвала небесам за непрерыванье рода.
И ежели пить за что-то в сто два-то года,
то лишь за Победу.

Как прежде, вселенских истин творя законы,
висят над старинной печкою две иконы,
без коих мир обездвижен и аномален.
А праздник идет, оставаясь под сердцем дрожью...
Скосив глаза,
улыбаясь,
смотрит на Матерь Божью
товарищ Сталин.

ВЕСНА НА КУТУЗОВСКОМ

Будешь в Москве — остерегайся говорить о святом.

БГ

...А небо, словно капля на просвет,
прозрачно. Лучик солнца — словно нитка.
В Москве весна. Кутузовский проспект.
Безвредная собянинская плитка.

Александр Михайлович Габриэль — дважды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор четырех книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

Дни лета так отчетливо близки,
как шею обреченного — гаррота.
По-воровски пригнувшись, сквозняки
втекают в Триумфальные ворота.
Набросил хипстер легкий капюшон,
мальш случайной луже скорчил рожу...
Совет в Филях давно как завершен,
Москва сдана. Но существует все же.
И вновь весенний день глаза слепит,
столетия играют в подкидного...
История нажала на «Repeat»,
чтоб в виде фарса повториться снова.
И моет «мерс», ворча на голубей,
в сухих губах мусоля сигарету,
таджикский гастарбайтер Челубей
столичному мажору Пересвету.

БЕЛАРУСЬ

Пятно на карте, словно морда огра —
моя страна. Найди ее, географ,
скудную территорию освой.
Моя страна. Республика. Кочевье.
Задорный детский смех. Этюды Черни
и тетива веревки бельевой.

Пломбир лениво таял в пальцах липких.
Эх, юность, ты — ошибка на ошибке,
и сам я молод, глуп, не сеял круп...
Но там, в краю чужих единоверцев,
жила любовь, вгрызавшаяся в сердце,
как бур дантиста в воспаленный зуб.

Народ там добрый был и терпеливый.
За редкие приливы и отливы
горком в ответе был или обком...
Приветливо для всех светило солнце,
лишь оседал, как в обмороке, стронций
в картонной треуголке с молоком.

Из девяностых — помню злые лица,
и будущее не спешило сбыться
назло ведунье с картами Таро.
Молчало сердце и молчала лира,
когда, кривясь, работница ОВИРа
давала мне последнее «добро».

Где книжки записные с адресами,
свиданья под почтовыми часами
и крохотного сына пятерня,
простой и ясный свод житейских правил?
Всё там. В стране, которую оставил.
В стране, в которой больше нет меня.

ВРЕМЕННЫЙ

Я временщик, коль посмотреть извне,
и сердце все, как есть, принять готово.
Как ни крути, оставшееся мне
незначимей и мельче прожитого.
Мне больше не войти в свои следы;
все четче ощущаю что ни день я
себя на ветке капелькой воды,
набухшей ощущением паденья.
Стираются и боль, и благодать.
Как ни хрипи натруженной гортанью,
но стало невозможно совпадать
со временем, сменившим очертанья.
Услышу вскоре сквозь тугую вязь
словес, недосложившихся в поэзу:
«Которые тут временные? Слазь!»
И я скажу: «Я — временный».
И слезу.

МЕЛАНХОЛИЯ ОСЕНИ

Стынут воды в Гудзоне — практически так, как в Неве,
и подходит к концу солнцедьшащий видеоролик...
Меланхолия осени в рыжей блуждает листве.
Ты и я — оба чехи. И имя для нас — Милан Холик.
В октябре нет границ, и я вижу мыс Горн и Синай,
и за шпиль Сиэтла усталое солнце садится...
Осеняй меня, осень. Как прежде, меня осеняй
то небрежным дождем, то крылом улетающей птицы.
С белых яблонь, как вздох, отлетает есенинский дым.
В голове — «Листья жгут» (композитор Максим Дунаевский).
Нас учил Винни-Пух, что горшок может быть и пустым.
Все равно он — подарок. Подарок практичный и веский.
К холодам и ветрам отбывает осенний паром,
и нигде, кроме памяти, нет ни Бали, ни Анталий...
А поэт на террасе играет гусиным пером,
и в зрачках у него — отражение болдинских далей.

НА ПЕРРОНЕ

...И вроде бы судьбе не посторонний, но не дано переступить черту.
Вот и стоишь, забытый на перроне, а поезд твой, а поезд твой — ту-ту.
Но не веди печального рассказа, не истери, ведь истина проста,
и все купе забиты до отказа, и заняты плацкартные места.

Вблизи весна, проказница и сводня, сокрытая, как кроличья нора.
Но непретенциозное «сегодня» не равнозначно прямому «вчера»,
а очень предсказуемое «завтра» — почти как сайт погода точка ру.
Все, как всегда: «Овсянка, сэ!» — на завтрак. Работа. Дом. Бессонница к утру.

Но остановка — все еще не бездна. И тишь вокруг — пока еще не схрон.
О том, как духу статика полезна, тебе расскажет сказку Шарль Перрон.
Солдат устал от вечных «аты-баты», боев и аварийных переправ...
«Движенья нет!» — сказал мудрец брадатый. Возможно, он не так уж и неправ.

Ведь никуда не делся вечный поиск. Не так ли, чуть уставший Насреддин?
Не ты один покинул этот поезд. Взгляни вокруг: отнюдь не ты один.
Молчание торжественно, как талес: несуетности не нужны слова.
Уехал цирк, но клоуны остались. Состав ушел. Каренина жива.